

НАРОДНАЯ РУСЬ

Классному руководителю, учителю-словеснику или историку часто для бесед со старшеклассниками необходим интересный и познавательный материал. Например, такой, который открывает забытые страницы жизни русского народа, его вековые традиции и обычаи, поверья и приметы. С этой целью продолжаем публикацию замечательной книги Аполлона Коринфского «Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа» (М.: Моск. рабочий, 1994). Начало см. в НО № 1 за 2002 г.

ЧЕСТНАЯ ГОСПОЖА МАСЛЕНИЦА

Самым весёлым или — вернее — разгульным народным праздником с незапамятных пор на Руси слыла Масленица, совпадающая с так называемой сырной неделей (или «мясопустом») православного месяцеслова. Сама природа к этому времени принимается ликовать, как бы предчувствуя приближение Весны Красной и скорую гибель Мораны-зимы, внёсшей в её светлое царство оцепенение смерти. Солнышко начинает пригревать в полуденную пору совсем по-весеннему: и оно словно тешится-играет, заставляя плакать белые снега слезами горячими, а зябкий — хотя и привычный к морозу — люд деревенский радоваться да честновать госпожу Масленицу — широкую, весёлую да затейливую.

И в наши дни ещё говорят в народе вместо «широко живёшь» — «маслено ешь», а о весёлой да привольной жизни отзываются: «Не житьё, а Масленица...» «Что выше неба, что шире Масленицы?», «О масленой — неделю пируешь, семь опохмеляешься», «Пили на Масленице, с похмелья ломало на Радоницу» — вот какими многозначительными поговорками-прибаутками ещё и теперь величает деревенская посольская Русь честную госпожу Масленицу — Семикову племянницу, тридцати братьев сестрицу, сорока бабушек внучку, трёхматерину дочку. Она до сих пор остаётся одним из любимейших праздников русского народа, удалому размаху которого открывается такой простор в живучих обрядах и обычаях старины стародавней, связанных с этою, предшествующей строгому воздержанию, беспутной — «соромной», по словам старых людей, неделей.

Не так смотрят на эту веселуху-забавницу девушки красные с парнями молодыми.

Не видят ни те, ни другие в ней ровно никакого «сороба».

Наша Масленица годовая,
Наша Масленица годовая,
Она гостийка дорогая,
Она гостийка дорогая!
Она пешою не ходить!
Она пешою не ходить, —
Всё на конях разъезжать,
Всё на конях разъезжать.
Кони-коники вороные,
Слуги, слуги все молодые...
Здравствуй, Масленица!
Здравствуй, Масленица!

Такими песнями встречает-величает широкую Масленицу надеющаяся ещё успеть по-поститься на своём веку беззаботная молодёжь.

Масленица приходится как раз на ту пору зимы, когда победа животворящих сил природы над смертоносной мощью мрака и холода становится всё ощутительнее: стоят оттепели, с крыш льёт капель, день подрастает всё заметнее. Во мраке веков этот праздник и возник в виде тризны по умершей зиме-стуже и радостных игрищ в ознаменовании воскресения света-тепла весеннего. Убегало наводившее страх на всё живое и жаждущее жизни чудище Морана, и бегство его было равносильно смерти вплоть до новой зимы. Появлялось, словно

возрождались к новой жизни, светлое божество весеннего плодородия земли — весёлая красавица Лада. И шла красавица, озаряя Русь своим разгульным весельем, шла-ехала на поиски дремавшего где-нибудь в глубоких снегах, усыпленного-зачарованного Мораною своего возлюбленного Леля (божество, связанное благотворной для земли деятельностью с месяцем маем). Богатое воображение народа окружало красавицу Ладу многочисленными весёлыми, добрыми и разгульными спутниками полубожественного, полусмертного происхождения, а злую Морану — духами тьмы, холода и всякого лиха. Шли за веками века, оставлявшие языческие сказания о богах в затуманенной новою жизнью дали; и мало-помалу красавица богиня, вестница весны и любви Лада превращалась в Масленицу, объединившую в себе несколько потерявшее уже первоначальную окраску понятие о ней и её спутниках. Заклятый враг её, Морана, также растеряла по многовековой путине свою свиту; но сама она осталась до последнего времени во всей своей неприкосновенности.

Языческая тризна по ненавистной зиме Моране была вместе с тем на Руси и тризною по всем «прежде почившим». Масленая неделя связана и теперь до некоторой степени с поминовением по родителям, что особенно ярко выражается в обычае печь в это время блины, являющиеся необходимой принадлежностью поминок. «Первая оттепель — вздохнули родители», — говаривал народ и приготавливался ко встрече виновницы облегчения их участи, всё той же Лады (Масленицы). С приготовлением блинов на Масленице соединены в народной Руси до сих пор не изгладившиеся из памяти поверья. Так, в некоторых местностях первый испечённый масленичный блин кладут на слуховое оконце — «для родителей». Старые старухи даже так и приговаривают, соблюдая обычай: «Честные наши родители! Вот — для вашей душки блинок!» Но ещё до этого самая опара блинная затевается с выполнением особых заветов суеверной старины. «Месяц, ты месяц, — причитают с вечера домовитые хозяйки-стряпухи, — золотые твои рожки! Выглянь в окошко, подуй на опару!» Кто не забудет сказать это, у того, говорят на деревне, и блины выйдут рыхлые да белые: не блины, а объеденье.

Приготовление первой опары держится стряпухою в тайне от домашних: не то всю неделю не будет ей давать покоя тоска-докука.

В старые годы встреча Масленицы совершалась весьма торжественно. Начинали-починали её ребята. С первым проблеском зорьки высыпали они толпою строить снежные горы. Краснее всех из них говоривший ещё заранее выучивал со слов старой бабки «причёт к широкой боярыне»: «Душа ль ты моя Масленица, перепелиные косточки, бумажное твоё тельце, сахарные твои уста, сладкая твоя речь! Приезжай к нам в гости на широк двор на горах покататься, в блинах поваляться, сердцем потешаться. Уж ты ль, моя Масленица, касаточка, ласточка, ты же моя перепёлочка! Приезжай в тесовой дом душой потешиться, умом повеселиться, речью насладиться!.. Выезжала честная Масленица, широкая боярыня, на семидесяти семи санях козырных, во широкой лодочке во велик город пировать, душой потешиться, умом повеселиться, речью насладиться. Как навстречу Масленице выезжал честной Семик на салазочках, в одних портяночках, без лапотов. Приезжала честная Масленица к Семику, широкая боярыня, во двор. Ей-то Семик бьёт челом — бьёт челом, кланяется, зовёт во тесовой терем, за дубовый стол, к зелёну вину...» К концу причёта горы были готовы, а кстати — дома и блины начинали плясать в горшке с опарою, просясь на сковороды, а там и к православным в рот. «Приехала Масленица, приехала!» — кричали ребята, разбегаясь по домам. Ел блинов вволю люд честной. А потом — с песнями, с пляскою — носили и возили по улицам дерево, причудливо изукрашенное бубенцами, колокольчиками да яркими лоскутьями. После этого возили «Масленицу», почему-то из красавицы богини превратившуюся в наряженного бабой мужика, увешанного берёзовыми вениками и с балалайкой в руке. Снаряжался целый поезд. Впереди него мчались расписные сани (а в иных местах — лодка на полозьях), запряжённые «гусем» в 10–20 лошадей: на каждой лошади сидело по вершнику с метлой в руках. Мужик Масленица, кроме балалайки, держал время от времени штоф с «государевым вином», помимо него иногда прикладываясь и к бочонку с пивом, стоявшему подле, обок с «блинным кором». За первыми санями следовала вереница других, переполненных нарядными парнями,

девицами и ребятами. Стоявший в воздухе перезвон бубенцов-погремушек смешивался с задорным треньканьем балалаек и песнями. Из всех домов высыпал народ, бежавший следом за весёлым поездом. Передние сани назывались «кораблём» — почему в некоторых местностях изукрашивались воткнутыми мётлами с привязанными к ним полотенцами, долженствовавшими изображать мачты с парусами. «Встреча» происходила в понедельник. Вторник звался «заигрышами» и в этот день начинали собираться масленичные игрища, не знавшие, что называется, ни ладу, ни удержу. Улицы оживлялись толпами бродячих скоморохов, в изобилии чествуемых за свою потеху весёлую блинами маслеными со всяким припёком, с пивом да с брагой. Недаром сложилось присловье старое: «Масленица-блинница — скоморошья радельница!» За скоморошью потехою выходила проторённой дорожкой на деревенскую Русь и утеха гусярная — в образе и теперь кое-где путешествующих старцев-гусярлов, сказателей и песноладцев. Устраивались-становились повсюду качели («девичья потеха»), воздвигались «снежные городки». Эти городки олицетворяли собою укромный приют чудища-зимы и в субботу на масленой неделе разбивались, для чего играющие разделялись на две партии — осаждаемых и осаждающих — и вели войну, кончавшуюся разгромом «городка».

Вместо осады последнего иногда устраивался — в глуши и до сих пор не вышедший из обычая — кулачный бой, составлявший с незапамятных дней одну из любимых потех русского народа, создавшего даже былинного воплоителя этой удали — Василья Буслаева. Шли «стенка — на стенку», доставляя этим немало удовольствия зрителям, а самим себе причиняя иногда и совсем невесёлые последствия — вроде переломленных рёбер и выбитых зубов. Но всё это как-то сходило («что с гуся — вода») на весёлой неделе — словно залечивалось под звонкие песни усиленным блиноядением и пивопийством.

Наставала масленая середина. В этот день люд честной после разудалых «заигрышей» начинал всю лакомиться масленичными яствами; оттого-то и звалась эта середина «лакомкою». В четверг повсеместно «запивались блины», шёл самый широкий разгул, откуда и название этого дня: «разгуляй-четверток», или «широкий четверг». Пятница слыла, да и теперь слывет под именем «тёщиных вечорок»; в этот день полагается зятям навещать тещ; суббота зовётся «золовкиными посиделками» (невестки приглашают к себе золовок). Оба эти дня посвящены в народе хождению по родне. Воскресенье, последний день Масленицы, носит несколько имён: «проводы», «прощанье», «целовник» и «прощёный день»; на него, между прочим, в обычае ездить отдаривать кума с кумой.

Проходил «прощёный день» — после него и «честная госпожа» уходила, уносила с лица Земли Русской до будущего года и свои перепелиные косточки, и своё бумажное тельце, и сахарные уста с речами сладкими-медовыми. Русая коса, красная краса, со всей её повадкой повадливою оставалась только в воспоминании, не выходявшем из головы, однако у иных весельчаков, как видно из крылатых присловий простодушной народной мудрости, — вплоть до самой Радоницы. Широкая боярыня давала себя знать предкам современного русского пахаря-деревенщины. «Масленица объеуха, денег приберуха», — говаривали они, добавляя в час широкого размаха весёлости: «Хоть себя заложить, да Маслену проводить!» Зазорно хлебосольной русской душе слышать молвь соседей о том, «что была-де у двора Маслена, да в избу не взошла».

«Мы Масленицу состречали, мы Масленицу состречали, люли-люли, состречали, гоголёк, гоголёчик! — разливается ещё и в наши дни величающая трёхматерину дочку старая песня. — На горушки не бывали, сыром гору набивали. Наши горушки катливы, наши девушки игривы, молодухи весёлые; стары бабушки воркотливы: ены на печки сидят, на нас воркотят. Вы, бабушки, не ворчите! Дайте Масленицу нам прогулять, с ребятами поиграть, с ребятами, со холостыми, со холостыми, не женатыми, люли-люли, не женатыми, — гоголёк, гоголёчик!»

Целую неделю пела-плясала, ела-пила, друг ко дружке в гости хаживала крещёная матушка Русь, с гор каталась, в блинах валялась, в масле купалась. Но «не всё коту масленица»: на восьмой день наступали проводы. На этих последних сожигалась зима Морана. За околицы деревень и сёл, за городские заставы вывозили-выносили безобразное чучело чудища и, воз-

ложив на соломенный костёр, сожигали под песни молодёжи, устраивавшей на месте казни поминальную игрушку. Пиво хмельное, вино пьяное лились здесь в изобилии, словно олицетворяя собою всеоживляющий, опьяняющий недра земные дождь. Были местности, где сожигалось не чучело, а расписанное изображениями «тёмной силы» колесо; в иных — ставили при пути-дороге шесты с навязанными на них пучками соломы и поджигали. Предавалась пламени и ледяная гора, заваленная хворостом и соломою. Справив все эти предписанные суеверной стариною обряды, народ расходился по домам. Здесь начиналось «прощанье», повсюду уцелевшее и до настоящего времени. Просили прощения и обоюдно прощали родные, знакомые и все первые встречные. Таким образом, масленичный разгул завершался обрядом чисто христианского свойства, хотя начало его также коренится в сокровенных тайниках древнеславянского язычества. Обряд этот общеизвестен и с XVII столетия изменился очень мало. «Прощёный день» соединял в себе ещё и поминки по родителям. Празднование Масленицы («Семиковой племянницы»), ведущей за собою Великий Пост, не ограничивалось в старину, однако, только этим. К разгульному веселью присоединялись, шли рука об руку с ним и дела милосердия. Так, например, устраивалось о Масленице кормление нищих и убогих.

Триста лет тому назад в палатах государевых эта, христианская, сторона праздника выражалась ярче, чем где бы то ни было на старой Руси. В воскресенье, предшествующее масленой неделе, после заутрени, на площади Успенского собора совершалось торжественное «действие Страшного Суда». Воздвигались два «места» — государево и патриаршее; против последнего ставили «рундук» — помост, обшитый красным сукном. На помосте помещался образ Страшного Суда Господня, большой аналой — с «паўволокою» под икону Божией Матери и под Евангелие. Ставился стол для освящения воды. Следовал выход государя в Успенский собор; отсюда царь с патриархом шествовали «на действие» с крестным ходом, при звоне всех сорока сороков. На зрелище стекались многие тысячи народа московского. Пред выходом на него царь-государь рано поутру совершал другой выход (малый): обходил тюрьмы, колодничьи приказы и божедомные убежища (богадельни), всюду жалуя своей милостью несчастных и обездоленных. С половины Масленицы зачинались в царских покоях «прощённые дни»: государь объезжал не только городские, но и подгородные монастыри, «прощался» с братией, поминал родителей и жаловал своих богомольцев от всего усердия. В пятницу государь «прощался» с царицею; в воскресенье днём «пред светлые очи» его являлись прощаться патриарх со всем чином духовным, бояре и служилые люди, а ввечеру совершалось шествие государево к патриарху, где — после торжественного обряда — пились «прощальные чаши». Первый день Великого Поста у «царя всея Руси» начинался с милостей: ему обстоятельно докладывалось о колодниках, «которые в каких делах сидят много лет». А на Руси в этот день затихали последние отголоски широкого русского народного праздника, в глухую пору язычества бывшего неделей, посвящённою красавице Ладе, любезнобушке кудрявого Леля...

И теперь ещё справляет «немецкую масленицу» русский люд, вдоволь не успевающий нагуляться за неделю. Так говорят в народе об опохмеляющихся в чистый понедельник гуляках. «Широка река Маслена: затопила и Великий Пост!» — добавляют порою при этом словно в оправдание запаздывающим весельчакам, доедающим в первый постный день оставшийся «поганый кусок» и «полощущим рот» недопитым вином. О таких людях сложился в народе целый ряд различных поговорок. Вот несколько, наиболее метких, из них:

«Звал-позывал честнай Семик широкую Масленицу к себе погулять», «Боится Маслена горькой редьки да пареной репы», «Продлись, наша Маслена, до Воскресного дня!». Но и справившие «прощанье-воскресенье» по всем заветам христоролюбивых праотцев едят в это время блины — постные, с конопляным либо с подсолнечным маслом. Это называется — справлять «тужилку по честной госпоже Масленице».

Народные приметы — устами старых, знающих людей — гласят, что если в воскресенье перед масленой неделей будет ненастье, то надо летом ждать большого урожая грибов. «Какой день на Масленицу красный — ясный да тёплый, в тот сей (по весне) и пшеницу». Это

советует деревенский сельскохозяйственный опыт, не изменяющий своим обязанностям поговорода и во время бесшабашного разгула широкой, весёлой, семь дней потешающейся на Руси Масленицы, заставляющей иных молодых мужиков забывать о поговорке — «Пируй-гуляй, баба, на Маслену, а про пост вспоминай». Но, словно наперекор последнему при словью умудрённых жизненным опытом людей, повторяет народная Русь относящийся к чётной гостье Масленице сложившийся на (малорусской-полтавской) окраине приходящийся по сердцу всем нетерпеливо ожидающим «поднесеньева дня» гулякам припев:

Ой, Маслена, Маслена!
Яка ты чудна!..
Як бы в тоби сим недиль,
А в посту одна!..

Курская, провожающая развесёлую неделю молодёжь деревенская в свой черёд вторит этому залихватскому припеву своим, не менее выразительным:

А Маслена, Маслена — полизуха!
Полизала блинцы да стопцы —
На тарельцы.
А мы свою Маслену провожали,
Тяжко-важко по ней воздыхали.
А Маслена, Маслена, воротися,
До самого Велика-Дня протянися!

Скоморохи-потешники, игрецы-гусельщики, «весёлые гулящие люди», с которыми браталась-пировала в старину о Масленице народная Русь, — явление далеко не маловажное в жизни нашего народа. Эти прямые преемники древнегреческих и римских «гистрионов» и «мимов» являются старейшими представителями русской народной словесности, народного лицедейства и народной музыки и с XI века до второй половины XVII столетия не сходят со страниц летописей и других памятников духовной и светской письменности. И раньше этого времени на Руси были «скоморохи, люди вежливые»; да о том не сохранилось никаких следов-памятников. Из Византии вместе с начатками христианства к нам перешло немало и тамошних обычаев, а в числе их и некоторые особенности скоморошества. Само же оно не могло быть перенесённым на Русь с чуждой духу русского народа почвы: это — явление вполне самостоятельное.

Летописи и старинные поучения, дошедшие до наших времён, величают скоморохов «глумцами», «кощунниками», «сквернословиями», «москолутами погаными», «срамцами безбожными» и тому подобными громкими кличками, а былины, песни и другие памятники народного творчества относят к ним названия «людей вежливых и очестливых», «весёлых молодцов», «певунов умильных» и «загусельщиков утешных». Летописцы и поучители порицают «игры бесовския, плясбу, гудьбу, песни, сопели, смехотворение, глумление и гусли», говоря, чтобы все благочестивые люди «отметались тех пиров», чтобы не ведались со скоморохами, не присутствовали даже при них на беседах, потому что всё это «бесов радует» и «ангелов отженяет», всё это — «смрадный грех». А народ — по былинам — зазывает «прохожего скоморошину», сажает за стол, угощает всем, что есть в печи, и заслушивается его скоморошества, не видя в его игре гусельной, в его песнях голосистых, в его сказаниях умильных ничего «богомерзкого» и «бесовского», а словно даже находя в этом удовлетворение своим высшим потребностям — запросам своего пытливого, мятущегося духа, утешение и потеху. Наши древние «письменные люди» слишком рабски подражали в своих писаниях византийским церковным поучениям, совершенно забывая при этом, что в Византии скоморошество было связано с известным языческим богопочитанием, а потому и преследовалось властями церковными, а у нас было одним из ярких проблесков народного самосознания, было связано с лучшими проявлениями его духовной жизни и никогда из «потехи весёлой» не переходило в кощунство. В то время когда из-под пера летописцев лились потоки проклятий на головы «весёлых гудцов-молодцов», они представляли собою истинных слугителей искусства: в древнейшем образе своём скоморохи — только «гусельщики», певцы-баяны, последователи того самого соловья Бояна, вещего песнотворца, о котором говорится в «Слове о полку Игореве». С лёгкой руки наших древних письменных и книжных

людей и народ, соприкасавшийся с этими книжниками, стал смешивать гусяра-певуна-потешника с «гулящими людьми» и даже «соромниками», хотя и не проявлял этого так резко, как составители поучений. Народные былины, летописи, поучения, остатки древней стенной живописи, наконец, старинные лубочные картинки — вот откуда можно почерпнуть те или другие сведения о скоморохах.

Из старины стародавней выступает яркий величавый образ песнотворца времён минувших и рядом с ним — облик скомороха захожего, предпочитающего «весёлую игру» «нежной», «умильной» и «великой» игре своего собрата по искусству. Первобытные гусли (от слова гудеть) своим видом напоминают плашмя положенную арфу. «Гусли-самогуды» сами, по словам народа, гудят, сами пляшут и песни играют на коленях дотошного гусяра, перебирающего (сидя) пальцами или подёргивающего «белою рукой» звончатые струны (льняные или волосяные), натянутые на хитро сделанный из яворового дерева (гусли яровчатые) «голосный ящик» (доску). Песня шла здесь в первую голову, самые гусли — только подыгрывали ей. Были, кроме певунов, и «игрецы-плясуны». Древнерусские «скомрахи, плясцы, гудцы, сквернословцы» (в устах письменных людей) пользовались почётом даже при княжеском дворе. Время от времени посылались «люди государевы» набирать по Руси весёлых людей «на княженецкий двор». Весёлые люди (впоследствии выродившиеся при дворе в шутов и «дуряков») должны были петь перед князем и всячески утешать его на пирах и на беседах. Кроме завзятых скоморохов, весёлостью снискивавших себе пропитание, видывал княжеский двор и любителей искусства, богатых гостей и богатырей (Садко, Добрыня, Ставр Годинович, Соловей Будимирович и др.), по своей доброй воле проявлявших дарование перед лицом князя, — что опять-таки впоследствии выродилось, должно быть, в князей и бояр — шутов. Кроме пиров участвовали скоморохи и гусельники в свадебных поездках, что отчасти сохранилось и теперь в деревенской глуши, особенно в Малой и Белой Руси.

Желанный гость каждого пира, имевший своё особое место и у великокняжеского стола — скоморох-гусяр к XVII столетию всё более и более начинает вытесняться из палат «хорами мусикийских орудий», «варганями», духовой и «ударной» музыкою иноземной и переходит исключительно уже на площадь, в народную толпу, утрачивая при этом свой величавый характер и делаясь иногда — в угоду кормящей его толпе — «глумцом», «глумотворцем» и «пересмешником». Гусяры — слагатели былин, распевające старым складом «песни умильные», «песни царские», наигрывавшие «игры нежные», доставлявшие «утехи великие», уступают главное место создателям «весёлой игры», ранее шедшим нераздельно с ними. И эти последние, подлаживаясь под низменные вкусы чёрной толпы, делались иногда — и не только в глазах строгих книжников — «блазниками, срамниками и сквернодеями».

Древний скоморох повествовал о местах далёких, начинал свою «игру-песню» из-за синя моря, переплетая повествование рассказами о своих похождениях (наигрыши, напевочки, тонцы), «скакал по мысленному древу», возносился под облака, мчался через доли и горы, воспевал и Илью, и Соловья-разбойника, и «премудрость Соломонову», и «глухоморье зелёное», перепархивая от старины стародавней к весёлым прибауткам и шуточкам, иногда и не совсем поучительного склада. С конца XVI, а особенно в середине XVII века — по свидетельству Адама Олеария¹ и других современников — скоморох отделяется от гусельника и водит его за собою только для подыгрывания или подпеванья, сам немало теряя в глазах любителей древнего песнотворчества. «Скоморох голос на дудке настроит, да житья своего не установит», — гласит народная пословица, и вот плясуны, певуны, потешники-скоморохи бредут по всему русскому раздолью, из города в город, от села к селу, на улице, на площадях и полях (А. С. Фаминцын²) увеселяют народ в праздничное время. То вразброд, парами или — по старине — в одиночку, то целыми ватагами дают они свои представления под игру седобородых гусельников, вздыхающих на своих говорящих струнах о вымирающей «великой потехе умильной». Появляется новый род скоморохов — скоморохи-кукольники, обвязывающиеся крашениной и устраивающие у себя над головой нечто вроде кукольного балагана. «Игры, глаголемые куклы» прибавляются к длинному списку преступлений против веры и нравственности в глазах строптивых книжников. А между тем «игры» эти сначала были со-

всем невинными проявлениями народного остроумия, весёлыми-безобидными шутками; затем стало примешиваться к этому общественное содержание, а потом уже и «соромные действия», так поразившие заезжего «немца» Олеария. Скоморохи-кукольники в сопровождении гусельщика были предметом общего удивления и восторга и на шумной московской площади, и на улице захудалого посада-пригорода, и под сенью гостеприимной боярской хоромины, и под навесом старых вётел в деревенском хороводе. Везде за ними ходили толпы народа, щедро оделявшего потешников чем попало: и мелкой медью, и всем, кто чем богат, и даже крепким русским словом.

¹ Адам Олеарий— немецкий учёный, в качестве секретаря голштинского посольства посетивший в 1636 году Москву, затем проехавший в Персию, а на обратном пути — снова в Москву (в 1639 г.) и описавший своё путешествие в Московию и Персию. Книга его, изданная в 1647 году в Шлезвиге, является замечательным историческим памятником.

² Александр Сергеевич Фаминцын, известный музыкальный теоретик и композитор, родился в Калуге в 1841 году, по образованию — естественник, с 1866 по 1872 год состоял преподавателем С.-Петербургской консерватории, а затем был секретарём Императорского русского музыкального общества. Как композитор он известен операми «Сарданапал» и «Уриэль Акоста». Но наибольшую известность приобрели ему исследования: «Божества древних славян», «Гусли» и в особенности — «Скоморохи на Руси».

О гусельниках-кукольниках (по старой памяти они всё ещё прозывались-величались гусельниками) можно составить довольно верное понятие по представлениям современного «Петрушки», почти целиком сохранившего некоторые особенности старинной «кукольной игры». Обстановка — вся разница. В Москве — на Девичьем поле и в Сокольниках (весною), в Петербурге — недавно на Царицыном лугу, а теперь — на Семёновском плацу и по всему простору Земли Русской (по ярмаркам) и теперь ещё можно видеть не только эти остатки старинной потехи, но и народных скоморохов в лице «балаганных дедов-стариков», на Украине — гусяров-кобзарей (к сожалению, явление исчезающее), а на Крайнем Севере да кое-где по Волге и певунов-сказителей, оставивших гусли и безо всякого подыгрыша, голосом ведущих пересказы былин стародавних. И всё это, несмотря на то что, начиная с XVII столетия, против «весёлых людей» восставали заодно с книжными людьми и духовенство, и светские власти, не только запрещавшие «скоморошество», но даже издававшие строгие указы об «изничтожении» всей струнной музыки на Руси, делавшие гусельников-потешников отверженцами общества. Нужно оговориться, однако, что на такие строгие меры против «весёлых молодцов» власти были вызваны тем, что в некоторых местах бродячие ватаги скоморохов превращались в шайки грабителей, не хуже разбойников опустошавшие мирные деревеньки. Эти исключительные явления давали повод к незаслуженным карам за скоморошество и «веселие» вообще. Но живуч дух русского народа, живучи его остроумие, его природная склонность к песнотворчеству, «великому» и «малому», «умильному и весёлому», его любовь к искусству. Прошли столетия, преследование «веселия» давно в области преданий, на Руси процветает театр, окрепла и развилась музыка, широко расправило свои могучие крылья искусство-художество, а и теперь ещё гудят кое-где гусли-самогуды, и теперь ещё справляется народная потеха весёлая.